

Футурологические мотивы в романтической утопии В.Ф. Одоевского “4338 год. Петербургские письма”

Ключові слова: мотив, новела, просвітницький гротеск, утопія, роман, футурологічна фантазія

Статтю присвячено висвітленню футурологічних мотивів у романтичній утопії В.Ф.Одоевського “4338 год. Петербургские письма”. Авторка мала на меті виокремити дані мотиви, з’ясувати їхнє значення у творі, визначити функції та підкреслити своєрідність. У статті підкреслено, що роман-утопія «4338 рік» В.Ф. Одоевського, є вираженням просвітницької програми автора, що гармонійно вписується у загальний контекст його творчості.

Владимир Федорович Одоевский (1803-1869) известен не только как литератор, но и как философ, музыкальный критик, литературовед, химик, электротехник и просветитель. И вполне закономерно, что все интересующие этого писателя вопросы отразились в тематике его произведений. К числу таких произведений можно отнести его незаконченный роман-утопию “4338 год” (1835-1840). Дошедший до нас отрывок романа является частью задуманной В.Ф. Одоевским романтической трилогии: “Эпоха Петра I”, “1830-е годы” и “4338 год. Петербургские письма”.

Высокую оценку романа “4338 год” дал еще при жизни писателя В.Г. Белинский. Однако, как и вся художественная проза Одоевского, его романтические утопии по-настоящему заинтересовали ученых лишь в начале XX столетия. Наиболее фундаментальной работой, в которой анализируется “4338 год”, является труд П.Н. Сакулина, появившийся в печати в дореволюционное время. Во второй половине XX века к исследованию произведений этого жанра в творчестве русского писателя обращались Н.М. Михайловская, А.Т. Грязнова, Т.А. Шумкова, В.С. Виргинский, Ю.М. Медведев и др. В большинстве работ, опубликованных в периодических изданиях, исследователи уделяют мало внимания систематизации футурологических мотивов в романе-утопии “4338 год”. В этом аспекте анализ произведения представлен довольно фрагментарно. Поэтому целью данной работы является попытка выделить ведущие футурологические мотивы в романе В.Ф. Одоевского “4338 год”, определить их значение и функции, подчеркнуть своеобразие.

Автор данного произведения не был новатором в области создания жанра утопии. Известно, что у его истоков стоит Платон, автор книг “Государство” и “Законы”. Однако русский писатель продолжает западно-европейские традиции утопий Т.Мора, Т.Кампанеллы и Ф.Бэкона, в произведениях которых

отразилась гуманистическая вера в торжество разума. “4338 год” Одоевского относится к первым русским утопиям, наряду с “Путешествием в землю Офирскую” (1784) М.М. Щербатова и повестью А.Ф. Вельтмана “3448 год. Рукопись Мартына Задека” (1833). Авторы этих произведений рисуют общественный идеал, осуществленный в рамках просвещенной монархии.

Роман-утопия “4338 год” гармонично вписывается в общий контекст творчества В.Ф.Одоевского. Изображение государства будущего, описание надвигающихся глобальных катастроф, ожидающих Землю, изображение людей, обладающих парапсихологическими способностями – темы, которые писатель затрагивает во многих произведениях. Так, о катастрофе человечества, вставшего на путь признания одной лишь частной “пользы”, рассказывается в его утопии “Город без имени”. Автор отвергает принцип “полезного” и отстаивает “бесполезные” с точки зрения теории Бентама науку, искусство и культуру. Мотив всеобщей гибели человечества как результат его бездуховного, меркантильного существования является одним из ведущих в новеллах “Насмешка мертвеца”, “Бал” и “Последнее самоубийство”. Ю.Манн в “Последнем самоубийстве” и “Городе без имени” усматривает влияние традиций просветительского гротеска, в частности, повестей Вольтера [3, с.333].

Мечта о будущем связана у В.Ф. Одоевского с представлением о гармонично развитом человеке и обществе, “благополучие которого должно быть основано на науке”, - пишет Н.М. Михайловская [5, с.175]. В России 44 столетия, по мнению Одоевского, будет развиваться гармоническое общество в результате познания “общих законов развития сил человека в мире природы и искусства”. А в основе этого “удачного решения общественных и личных проблем будет лежать непрерывный прогресс в области науки, техники и культуры, русское просвещение” [1, с.198].

Появление научно-технических утопий в 20-30-е годы XIX века не случайно. Этот период определяется русскими историками как начало промышленного переворота. В России этот период характеризуется переходом от мануфактурного к машинному производству. В области математики, астрономии, химии ученые России шли в первых рядах мировой науки и техники.

Не удивительно, что В.Ф. Одоевский, желавший своей стране экономического, технического и культурного процветания, считал, что Россия может стать во главе всемирной культуры. Научно-технические предвидения писателя в утопии “4338 год”, объясняются, как считает В.С. Виргинский, “во-первых, тем, что автор находится в курсе выдающихся достижений отечественных ученых и изобретателей <...>; во-вторых, тем, что Одоевский был широко эрудированным человеком и прекрасно знал мировую экономическую, философскую и научно-техническую литературу своего времени” [1, с.199]. Сходную позицию мы встречаем у В.Муравьева:

“Убежденность Одоевского – не слепая вера беспочвенного мечтателя, но вывод, сделанный писателем-мыслителем” [6, с.32].

Однако в заметках к роману “4338 год” автор иначе объясняет принципы, на которых основана его футурологическая фантазия. “Я уверен, – пишет Одоевский, – что всякий человек, который, освободив себя от всех предрассудков, в его минуту господствующих, и отсекая все мысли и чувства, порождаемые в нем привычкою, воспитанием, обстоятельствами, страстями, <...> в последовательном ряду своих мыслей найдет непременно те мысли и чувства, которые будут господствовать в близкую ему эпоху” [7, с.289].

Нас, жителей начала XXI века, не может не поражать точность научно-технических прогнозов Одоевского, данных автором почти два столетия назад. Писатель предсказал немало будущих научных открытий: туннели, трубопроводы, гальваностаты (аналоги современных самолетов), электроходы (напоминающие современные автомобили), телефон, цветная фотография, селектирование, фотосинтез растений, изобретение синтетических волокон, искусственных тканей и др. “Вершина утопий, – писал по этому поводу П.Н. Сакулин, – может уходить далеко за облака, но подошва ее тем не менее покоится на твердой земле” [9, с.180].

Люди будущего у Одоевского будут иметь достаточно сил и знаний, чтобы противостоять природе. Среди стихийных сил, противодействующих человеку, автор утопии называет море и космос. Не случайно местом действия выбран Петербург, стоящий на болотах и омываемый морем, а временем действия – 4338 год – научно-предсказанное астрономами падение кометы Галлея, угрожающей Земле гибелью.

Главный герой романа, он же рассказчик, – студент Пекинской школы Ипполит Цунгиев. Пребывая в мире “сомнамбулических фантазий” и находясь в “Северном Царстве”, он обращается в письмах к своему другу Лингину, проживающему в Китае. В сомнамбулическое состояние Цунгиев может впасть “по произволу”. Он может также “заранее определить для себя предмет, на который должно устремиться его магнетическое зрение. <...> Вышедши из сомнамбулизма, он забывает все с ним бывшее” [7, с.271]. “Петербургские письма”, публикуемые автором, князем Одоевским, – отмечает Т.А. Шумкова, – реальное подтверждение магнетических манипуляций сомнамбулы” [11, с.189]. Автор считает, что увлечение магнетизмом, сомнамбулизмом и месмеризмом – характерно для 30-х годов XIX столетия, когда о них много говорили в обществе.

Жизнь в сомнамбулической фантазии благодаря научно подкрепленным авторским свидетельствам обретает черты реального пространства-времени. В концептуальном пространстве-времени главный герой романа Ипполит Цунгиев, обладающий парапсихологическими способностями, описывает чудеса цивилизации России 44 века. Взору Цунгиева предстает “цивилизация достатка и изобилия, созданная руками и разумом человека” [11, с.189]. Показывая, каких высот достигла наука, Одоевский устами своего героя

стремится убедить читателя в неизбежности победы человеческого разума не только над стихийными силами, в том числе и космического происхождения, но и над новыми видами энергии, а также пространством и временем. Вопрос преодоления пространства и времени в будущем – главная проблема, волновавшая писателя. Его гальваностаты и аэростаты летают “с быстротою молнии”. Одоевский предсказал появление летательных аппаратов и сверхзвуковых машин в то время, когда основным транспортным средством были дилижансы. “Надо было обладать могучей силой предвидения, – подчеркивает Н.М. Михайловская, – чтобы предугадать все эти свершения, в том числе и выход человека в космос” [5, с.137].

Современники Одоевского рассматривали утопию “4338 год” как слабую в художественном отношении. Думается, что целесообразнее было бы рассуждать о становлении в русской литературе нового, научно-фантастического жанра, требующего от его автора новаторского подхода к отбору и использованию языковых средств. Т.А. Грязнова, проведя лингвостилистический анализ текста произведения, пришла к выводу, что “специфика идиостиля писателя в данном случае проявляется в единстве темы и ее языкового воплощения” [2, с.71]. В романе используется как фразеология XIX века (“сердитое море”, “седой Каспий ревел”), так и неологизмы (“электроход”, “гальваностат” и др.). “Слова “гальваностат” и “электроход” – неологизмы, принадлежащие самому Одоевскому”, – утверждает исследовательница [2, с.75]. Широко используются в произведении и авторские метафоры (“воздушные пути”, “воздушная болезнь”, “министр воздушных сил”), ставшие в наше время общеупотребительными.

В утопии Одоевского особое место отведено фантастическому гротеску и гиперболе, “художественная задача которых – предвосхитить модель будущего” [5, с.136]. По форме “4338 год” напоминает скорее небольшой рассказ, нежели повествование с развернутым, живым сюжетом. Автор не столько показывает, сколько рассказывает, и фрагменты его рассказа, наслаиваясь один на другой, создают картину будущего Северного Царства. Главный герой романа – энтузиаст, стремящийся проникнуть в тайны науки и искусства, объясняется в письмах языком, существенно отличающимся от языка, привычного для читателей романтических произведений. Его речь проста, лишена сложных метафор и метонимий, характерных для романтизма. По мнению Михайловской, все произведение написано в “той тональности, которая передает эмоциональную взволнованность писателя, высокое напряжение его мысли” [5, с.138]. Система образов в романе-утопии подчеркнута реалистична, они сознательно “конструируются” автором в соответствии с представлениями о желаемом и должном.

Описывая Петербург 4338 года Одоевский подчеркивает огромность пространства. Автор достигает этого при помощи слов со значением больших размеров: “необычность”, “монументальность”, “величественность”, “огромность”; широко используются также гиперболы и эпитеты: “огромный

водомер”, “многочисленные арки”, “огромный крытый сад”, “огромный бассейн”, в котором содержат “множество редких рыб и земноводных различных пород” [7, с.278]. Автор использует приемы гиперболизации в описании практического применения электричества. Описывая устройство, вырабатывающее электрическую энергию, писатель изображает сооружение, по виду напоминающее электростанцию. В нем “...к одному из столов были протянуты проводки от огромнейшей в мире гавально-магнетической цепи, которая одна занимала особое здание в несколько этажей” [7, с.29]. Лампа накаливания, о которой пишет автор в своей утопии, была изобретена только в 1872 году. Столь же актуальными оказались предположения писателя о благотворном влиянии освещения на рост растений: “Весь сад, засаженный редкими растениями, – пишет он, – освещался прекрасно сделанным электрическим снарядом в виде солнца... Он не только освещает, но химически действует на деревья и кустарники” [7, с.283]. Научное изучение этого явления, называемое фотосинтезом, началось более чем полвека спустя после первой публикации романа. Огромный интерес для автора романа представляет и наука XX века селекция. О возможности выведения “посредством постепенных прививок разных пород плодов, совершенно разнокачественных” с восторгом рассказывает Ипполит Цунгиев своему китайскому другу. Это “финики, привитые к вишневному дереву, бананы, соединенные с грушей” [7, с.286].

Среди новых видов энергии, поставленных на службу человечеству, кроме электричества, в произведении назван пар. В жилища людей 44 столетия “непрерывно огромные машины вгоняют горячий воздух в трубы, соединяющиеся с главными резервуарами <...>; из городских хранилищ теплый воздух проведен частью в дома и крытые сады” [7, с.276]. Писатель-фантаст пишет о прообразах современных нам тепловых электростанций в период, когда в России основным видом отопления в домах были печи или камины, отапливаемые дровами.

Научное правдоподобие утопии Одоевского, рисуемые им перспективы будущего привлекали читателя еще при жизни автора. “Он своими проблемами, – писал П.Плетнев, – беспрестанно возбуждает деятельность ума в читателе” [Цит. по: 5, с.135]. Говоря о средствах связи будущего, автор выдвигает идею о возможности общения людей посредством телеграфа и телефона. В его произведении, “между знакомыми домами устроены магнетические телеграфы, посредством которых живущие на далеком расстоянии разговаривают друг с другом” [7, с.282]. Более чем на столетие обогнала действительность и мысль Одоевского о возможности издавать газеты в домашних условиях (эту возможность дают нам современные компьютеры и ксероксы).

Известно, что одним из самых больших интересов Одоевского было занятие химией. Так, при жизни писателя, частым гостем его гостиной среди прочих был профессор Гесс, у которого Одоевский брал уроки химии. По свидетельствам современников, его кабинет напоминал химическую лабораторию. М.П. Погодин так описывает “камерку молодого Фауста”: “На

окошках, на полках, на скамейках, – стклянки, бутылки, банки, ступы, реторты...” [8, с.323]. Поэтому не удивительно, что, по представлениям писателя, химические вещества в будущем могут быть использованы как пищевой продукт. Эту мысль он реализует в своей утопии, говоря об употреблении в пищу эссенций и газов. “В графинах находилась ароматическая смесь возбуждающих газов, – пишет автор, – вкусом они походят на запах вина и мгновенно разливают по всему организму удивительную живость и веселость... Эти газы совершенно безвредны, и их употребление очень одобряется медиками” [7, с.286]. Описанное в произведении чувство веселья, вызванное употреблением газа, по мнению А.Т. Грязновой, “достаточно воспроизводит побочное действие состава (закиси азота), используемого для анестезии или неглубокого наркоза и известного под названием веселящий газ” [2, с.74]. Массовое использование газов в медицинских целях стало возможным лишь в XX столетии. Следовательно, и тут автор намного опережает свой век.

Роман-утопия “4338 год” не был закончен. В нем писатель начинает разрабатывать весьма популярную сейчас в научной фантастике тему о пришельцах из космоса. “Забавно, – отмечает В.С. Виргинский, – что он употребил тот самый термин – “зеленые люди”, которым условно обозначают в современной литературе таких воображаемых гостей” [1, с.198]. Полет человека в космос для Одоевского – это лишь дело времени. Писатель верит в то, что человечество найдет способ “сообщения с Луной”. “Она необитаема, – предвидит автор, – и служит только источником снабжения Земли разными житейскими потребностями, чем отвращается гибель, грозящая Земле по причине ее огромного народонаселения. Эти экспедиции чрезвычайно опасны, опаснее, нежели прежние экспедиции вокруг света...” [7, с.299]. В предсказании возможности путешествия на Луну русский писатель опередил известного французского фантаста Жюль Верна, в частности, его повесть “С Земли на Луну”, которая была написана в 1865 году. Характерно, что Одоевский в своей утопии заблуждался, когда переносил осуществление своих фантазий и научных предвидений в далекое будущее. В то время как многие из его прогнозов сбылись гораздо раньше.

В утопии затронуты также проблемы, которые и в наше время являются вопросами нерешенными. Он, например, задумывался над тем, “какую форму получит торговля, браки, границы, домашняя жизнь, законодательства, преследования преступлений, когда человечество в будущем освоит космос” [7, с.299].

Одной из основных проблем, поставленных Одоевским в романе, безусловно, является проблема общественного строя. К сожалению, суждения писателя о будущем общественном строе России утопичны. Россия 44 века, по мнению автора, остается сословной империей. “Воображение Одоевского, – пишет П.Н. Сакулин, – не слишком далеко унеслось за пределы николаевского государства. Его идеальная Россия сохраняет в полной неприкосновенности классовый принцип, существующее неравенство, бюрократическую

организацию и монархизм” [9, с.201]. К низшим слоям по-прежнему относятся слуги и ремесленники, а к высшим – аристократы. Богатство и знатность в обществе будущего сохраняются, однако критерием для занятия ответственных должностей являются просвещенность и квалификация. Н.М. Михальская уточняет: “Писатель нигде не говорит о том, что наука остается недоступной для народа” [5, с.138]. Говоря о сословиях будущего, необходимо подчеркнуть, что люди объединены в них по принципу специальностей: “сословия Историков, Географов, Физиков, Поэтов” [7, с.297]. Ученый конгресс академии играет в России будущего едва ли не большую роль, чем Государственный совет.

Изображая низшее общество, автор аллегорически выражает свою неприязнь к миру наживы и одновременно надежду на то, что с “большим распространением просвещения исчезнут и эти пятна на русском солнце” [7, с.294]. Социум 4338 года “лишен лицемерия и преисполнен высоких нравственных чувств”, – замечает Т.А. Шумкова [11, с.190]. Причину этого П.Н. Сакулин объясняет характером общественных развлечений, связанных с использованием животного магнетизма. Он стал любимым занятием в гостиных, совершенно заменившим древние карты, кости, танцы и другие игры. Находясь в состоянии сомнамбулического сна, участники игры, лежа в магнетической ванне, высказывают “свои самые тайные помышления и чувства” [7, с.286]. Вполне понятно, почему в обществе будущего нет места лжи, хитрости и притворству. Распространение магнетизации совершенно изгнало из общества всякое лицемерие и притворство. “Существование магнетических ванн ведет к поднятию духовной культуры общества”, – считает П.Н. Сакулин [9, 193]. Источником высших духовных наслаждений будет служить искусство. Музыка, как высший вид искусства, по мнению Одоевского, получит небывалое развитие. В саду первого министра в разных местах раздавалась “скрытая музыка, которая однако же играла очень тихо, чтобы не мешать разговорам” [7, с.284].

Проблема свободы и необходимости в утопическом русском царстве, считает Т.А. Шумкова, решается Одоевским в духе шеллигианских воззрений. “Автор постоянно подчеркивает, – пишет исследовательница, – что люди будущей России достигли высот цивилизации посредством подавления и использования природных сил” [11, с.190]. Подобный культурный феномен уже рассматривался Шеллином как мифопоэтический Золотой век, замкнутый в границах собственной самодостаточности и разрушенный в результате нашествия “чужеземных орд” [10, с.127]. В романе Одоевского идиллию общественной жизни нарушают только “пришельцы из разных стран света, незнакомые с русским духом”. Это толпа мнимых ученых и литераторов, желающих превратить науку и искусство в ремесленный труд с чисто практической целью: “Всякому хочется захватить монополию” [7, с.294].

По мнению Одоевского, “перед человечеством стоит альтернатива: либо построение царства Просвещения во главе с Россией, основанного на

общественной пользе и развитию самых благородных сторон человеческого духа, либо путь, исходящий из личной пользы, с его борьбой всех против всех, приводящий к одичанию и гибели культуры” [Цит. по: 1, с.204]. Опираясь на мысль ученого и воображение писателя, автор “4338 года” верил в человека, в могущество его разума. Он был убежден, что человечество в своем поступательном развитии идет к совершенствованию. “Главная мысль романа, основанная на таком веровании в совершенствование человечества и в грядущую мирообъемлющую судьбу России, мысль истинная и высокая, вполне достойна таланта истинного” – писал В.Г. Белинский в “Отечественных записках” об утопии “4338 год” [Цит. по: 6, с.32].

Утопия завершает развитие главной идеи, лежащей в основе всей трилогии – идеи о культурном значении просвещения, начавшегося в России со времен Петра Великого. Безусловно, доминирующими мотивами для реализации этой идеи в произведении являются мотив научно-технических открытий и построения “царства Просвещения”, во главе с Россией. Автор уделяет много внимания проблеме гармонического развития человека, чему должны способствовать развитие искусства и прогресс в науке. Как писатель-фантаст, Одоевский в утопии “4338 год” активно разрабатывает космические мотивы: полет человека на Луну и освоение в будущем людьми космоса.

Ведущие футурологические мотивы романа способствуют созданию общей картины жизни человечества в 44 веке и влияют на жанровое своеобразие произведения. Анализ мотивов будущего в романе-утопии имеет значение и для осмысления истории русской литературы начала XIX века, которая, по словам П.Н. Сакулина “весьма бедна утопическими романами” [10, с.181]. Утопия “4338 год. Петербургские письма”, как необходимое звено в художественном творчестве В.Ф. Одоевского, явилась выражением его просветительской программы. Благодаря богатству содержания и оригинальности художественной формы, исследователи ставят этот роман писателя значительно выше тех утопических произведений которые были в русской литературе первой половины XIX века.

Литература

1. Виргинский В.С. Одоевский как социолог и утопист // Вопросы истории – 1970. - №2. – С.196-204.
2. Грязнова А.Т. Воспоминание о будущем. (Лингвостилистический анализ научно-фантастической повести В.Ф. Одоевского “4338. Петербургские письма”) // Русский язык в школе – 1999. - №2. – С.70-77.
3. Манн Ю.В. Проблемы романтизма. – М.,1967.
4. Медведев Ю.М. Там лес и дол видений полны... // Русская фантастическая проза XIX – начала XX века. – М., 1989. – С.453 - 467.
5. Михайловская Н.М. Утопические повести В.Ф.Одоевского // Русская литература. – 1980. - №4. – С.135-140.

6. Муравьев В. Русский Фауст // В.Ф. Одоевский. Последний квартет Бетховена. – М., 1982. – С.3 -35.
7. Одоевский В.Ф. “4338 год. Петербургские письма” // В.Ф. Одоевский. Последний квартет Бетховена. – М., 1982. – С.271 - 302.
8. Погодин М.П. Воспоминания о князе В.Ф. Одоевском. Одоевский в жизни. // В.Ф. Одоевский. Последний квартет Бетховена. – М., 1982. – С.321-326.
9. Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Князь Одоевский – мыслитель, писатель. - М.,1913. – Т.1. – Ч.1.
10. Шеллинг Ф. Философия искусства. – М., 1966.
11. Шумкова Т.А. Зарубежная литература XIX века. Романтизм. Учебное пособие. – М., 2002.